

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Н. А. Дулина

ИЗМЕНЕНИЯ В ОСМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (30-е ГОДЫ XIX в.)

30-е годы XIX в. в результате разгрома султанской армии войсками восставшего Мехмеда Али (Мухаммеда Али) явились рубежом в истории османской дипломатии.

Проводившиеся султаном Махмудом реформы (в армии, в области просвещения, управления государством, отчасти в области экономической политики), вызванные стремлением укрепить слабеющее государство¹, коснулись и дипломатии.

Страстное стремление султана добиться покорности Мехмеда Али, невозможность избежать вмешательства держав и ясное понимание этого вынудили Порту вступить в тесные дипломатические отношения с иностранными державами и учредить постоянные посольства.

Европа, недавно пережившая целый ряд революционных потрясений, опасалась в связи с турецко-египетским конфликтом военных столкновений, способных вызвать новые революционные взрывы в Европе. Поэтому особую роль в решении конфликта стала играть дипломатия. Острое соперничество великих держав, с которым султанское правительство столкнулось еще в период пребывания в Мраморном море русской эскадры, пришедшей на помощь султану против Мехмеда Али, и следовавших вслед за тем кютахийских переговоров 1833 г., внушило ему надежду на возможность использовать эти противоречия к своей выгоде и добиться дипломатическим путем того, чего оно уже не могло добиться силой оружия — покорности Мехмеда Али. Хюнкяр-Искелесийский договор² усилил соперничество европейских

¹ См.: А. Д. Новичев, История Турции, т. 2. Новое время, ч. 1 (1792—1839), Л., 1968, стр. 216—274.

² Н. С. Киняпина, Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., — Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1958, № 2, стр. 30—49; Т. В. Еремеева, Заключительный этап египетского кризиса 1831—1833 гг. и великие державы, — Ученые записки по новой и новейшей истории Института истории АН СССР, вып. 2, М., 1956, стр. 487.

держав и опасения по поводу восточной политики России³.

Конфликт с Мехмедом Али был непосредственной причиной установления постоянных дипломатических связей со странами Европы. Но очевидно, что независимо от этого султанское правительство в 30-е годы пришло к пониманию необходимости коренного изменения методов внешней политики государства для успешной борьбы за сохранение целостности Османской империи.

Дипломатические отношения Турции с европейскими государствами начались с 1454 г.⁴ Они осуществлялись с помощью европейских послов, аккредитованных в Стамбуле, и обладали рядом своеобразных черт, что лишало Порту возможности получать объективную информацию о международных проблемах того времени. Послы христианских держав были в значительной степени удалены от султанского двора. Они могли, строго следуя этикету, видеть великого везира и султана лишь по приезду и при отъезде. В остальное время они должны были подавать свои грамоты только реис-эфенди, который отсылал их по назначению. Поэтому иностранные дипломаты вынуждены были вести свои дела через драгоманов, набиравшихся из греков-фанариотов.

Отношение султанского двора к послам основывалось на чувстве превосходства. Аудиенции предусматривали массу правил, унижающих послов. Послы большей частью выносили такие обычаи терпеливо, так как знали, что их государство воевать из-за этого с Османской империей не станет⁵. Европейские державы были заинтересованы в дружественных отношениях с Османской империей, предоставлявшей им возможность выгодно торговать и получать от султана капитуляционные привилегии. Считая послов представителями бедных стран, султан давал им из казны значительное содержание деньгами и продуктами и предоставлял место жительства. Этот обычай был отменен только после учреждения турецких миссий в европейских государствах в конце XVIII в. В случае войны с каким-либо государством Осман-

³ Н. С. Киняпина, *Внешняя политика России первой половины XIX в.*, М., 1963; В. А. Георгиев, *Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в.*, автореф. канд. дисс., М., 1970, стр. 9—10.

⁴ M. D'Ohsson, *Tableau général de l'Empire Othoman*, t. III, Paris, 1820, стр. 437—463; В. Теплов, *Представители европейских держав в Константинополе*, — «Русский вестник», 1890, т. 208, №№ 5 и 6, стр. 1—37, 1—37; R. Unat, *Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri*, Ankara, 1968.

⁵ И. Б.-н, *Дипломатические отношения Турции с европейскими державами*, — «Современник», т. 51, 1855, отд. 2, стр. 89—112.

ская империя соблюдала неукоснительное правило заключать послов вражеской стороны в Семибашенный замок. Первым христианским государем, заключившим военный союз с Турцией, был король Франции Франциск I, в 1542 г. выступивший против Габсбургской монархии, пограничные земли которой привлекали и султана.

Порта в XVI в. относилась к военным союзам с христианскими странами равнодушно, но принимала их предложения о союзах, считая выгодным для себя ослаблять одно государство другим. В результате начавшегося упадка Османской империи и ее поражений в войнах в XVII—XVIII вв. презрение к иноверцам стало уменьшаться и туркам все чаще приходилось договариваться об условиях мира на общих с европейцами конгрессах⁶.

Изолированность Османской империи от европейских государств была обусловлена традициями, основанными прежде всего на силе Османской империи, которой некогда боялась Европа, и, во-вторых, на религиозных соображениях, понижающих, как известно, все стороны деятельности государства и его подданных⁷. Д'Оссон указывал в первой четверти XIX в., что османский двор направлял своих послов главным образом в торжественных случаях, в том числе с известиями о восшествии на престол нового султана. После исполнения поручения послы возвращались обратно⁸. Когда в 1793 г. Порта впервые решила основать постоянные миссии при дворах в Париже, Вене, Лондоне и Берлине, то, несмотря на предоставление дипломатам выгодных условий, она столкнулась с затруднениями в отыскании кандидатов, которые могли бы преодолеть свое отвращение к поездке в христианскую страну, и должна была обещать, что их миссия не продлится более трех лет⁹. Деятельность миссий не имела успеха, и они вскоре были закрыты в связи с греческим восстанием¹⁰.

⁶ В. Теплов, Русские представители в Царьграде, 1496—1891. Исторический очерк, СПб., 1891.

⁷ Не все мусульманские государства соблюдали принцип изоляции; примером является Могольская Индия.

⁸ M. D'Ohs son, *Tableau général...*, t. III, стр. 461—462; J. Hammet, *Histoire de l'Empire Ottoman*, vol. XVII, Paris, 1843, стр. 158—167. Послы также имели задания извещать иностранные дворы о победах, одержанных Османской империей, о возобновлении капитуляций, вручать ратифицированные договоры, предлагать продление срока действия договора о мире, поздравлять с восшествием на престол государей и некоторые другие задания (см.: R. Unat, *Sefirleri...*, стр. 17—19).

⁹ M. D'Ohs son, *Tableau général...*, t. III, стр. 463; R. Unat, *Osmanlı sefirleri...*, стр. 20.

¹⁰ J. C. Hurewitz, *The Europeanization of Ottoman Diplomacy: the Conversion from Unilateralism to Reciprocity, 1835—1870*, — Труды XXV Меж-

Еще во время греческого восстания (1821—1829) Порты верила, что одним из основных условий ее политики является изолированность — традиционный принцип, к которому она вернулась после неудачной попытки завязать постоянные дипломатические связи при Селиме III (1789—1807). В 1826 г., сообщает Г. Розен, «султан велел довести тайно до сведения чужой дипломатии доклад дивану... Турецкая политика, сказано в нем, никогда не должна удаляться от основных условий, которые одни обещают ей прочность; они суть: 1) изолирование, 2) соблюдение трактатов и 3) категорический отказ всякой охоте чужих держав вмешиваться в ее внутренние дела»¹¹. Под изолированием султанское правительство имело в виду принцип некоординирования своих действий в текущей политике с христианскими державами.

Религиозная и государственная изоляция проявлялась не только в дипломатических связях, но, как известно, и во всех других областях жизни османского государства. А. Д. Новичев, исследовавший истоки реформаторской деятельности султана Селима III, отметил, что сановники, окружавшие его, «не имели никакого представления о европейских государствах — об их экономической жизни, административных системах, армиях и т. п.»¹². Лишь Ратиб-эфенди, чрезвычайный посол, отправленный после подписания с Австрией сепаратного мирного договора в 1791 г. в Вену и познакомившийся там по заданию Селима с политическими учреждениями, финансовой и военной организацией Австрии, а также прусской, французской и русской армий, указал на превосходство европейских порядков над турецкими¹³. Та же изоляция существовала в области культуры и в системе просвещения Османской империи вплоть до 30-х годов XIX в., когда впервые стали открываться светские школы. Первые военные специальные учебные заведения возникли раньше — в XVIII в. — в связи с необходимостью реорганизовать турецкую армию, которой были нужны знающие офицеры, обученные по-европейски¹⁴.

дународного конгресса востоковедов, т. II, М., 1963, стр. 454—460. Несколько более распространенный вариант этой статьи см.: «Belleten», Ankara, 1961, с. XXV, № 99, стр. 455—466.

¹¹ Д. Г. Розен, История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году, ч. I, СПб., 1872, стр. 35.

¹² А. Д. Новичев, Подготовка реформ Селима III, — Тюркологический сборник, М., 1966, стр. 218.

¹³ Там же, стр. 219; E. Z. Karal, Ebu Bekir Râtib efendinin «Nizami cedit» islahatında rolü, — «V. Türk Tarih kongresi». Kongreye sunulan tebliğler, Ankara, 1960, стр. 347—355.

¹⁴ А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции, М., 1965, стр. 13, 15; А. Д. Желтяков, Печать в общественно-

Ослабление турецкого государства по сравнению с быстро развивающимися европейскими странами заставило турецких государственных деятелей не просто обратиться к реформам, но стать на путь реорганизации, следуя во многом европейским образцам¹⁵. До времени правления Селима III султанское правительство не считало нужным иметь своих постоянных представителей в европейских странах, довольствуясь информацией, сообщаемой иностранными послами, пребывающими в Стамбуле. О положении дел в христианских государствах Порты получала интересующую ее информацию также от беев Валахии и Молдавии. Дж. Бильсель, например, отмечает, что в период Венского конгресса (1814—1815) секретарь князя Меттерниха передавал воеводе Молдавии Караджа-бею сведения за деньги¹⁶.

Учреждение посольств положило начало новому этапу в истории османской дипломатии. С 30-х годов XIX в. действия ее основываются на широкой осведомленности в международной обстановке и более гибких методах, обусловленных изменившимся положением на международной арене самого турецкого государства. Порты вынуждена была отказаться от веками культивировавшегося чувства превосходства мусульман над христианами, признала христианские державы равными партнерами и стала координировать с ними свои действия во внешнеполитических делах. Если деятельность турецких посольств, впервые основанных в Европе при Селиме III (в 1793—1797 гг.), не имела успеха¹⁷, то в 1834 г. заинтересованность в их учреждении со стороны как Османской империи, так и европейских держав, получавших возможность оказывать дополнительное влияние на султанское правительство, привела к тесному дипломатическому взаимодействию.

Посольства были основаны в 1834 г. в Париже и Лондоне¹⁸, в 1835 г. — в Вене. Дипломатические миссии были учреждены в 1837 г. в Берлине, в 1840 г. — в Афинах. Расши-

политической и культурной жизни Турции (1729—1908), М., 1972, стр. 35—39, 45, 54 и др.; N. Berkes, *The Development of Secularism in Turkey*, Montreal, 1964.

¹⁵ T. Z. Tunaya, *Türkiyenin siyasî hayatında batılılaşma hareketi*, İstanbul, 1960; N. Berkes, *The Development of Secularism*, стр. 137—200. Литературу о европеизации Османской империи в новое время см. в статье: А. Д. Желтяков, К вопросу о вестернизации Турции в новое время (по концепции турецкого историка Т. Тунайя), — *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*, вып. 2, Л., 1968, стр. 125—126.

¹⁶ C. Bilsel, *Tanzimatın haricî siyaseti*, — «*Tanzimat*», İstanbul, 1940, стр. 22, 34.

¹⁷ J. C. Hurewitz, *The Europeanization...*, стр. 458.

¹⁸ R. Kaynar, *Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat*, Ankara, 1954, стр. 63—64.

рение сети посольств и миссий Османской империи продолжалось и впоследствии. К концу XIX в. число их достигло 15¹⁹.

В связи с тем что султанское правительство отказалось в период греческого восстания от услуг греков-фанариотов, ранее державших в своих руках нити международных связей Порты, появилась необходимость в дипломатических услугах турок-мусульман. Греки-фанариоты и другие немусульмане, служившие в миссиях в течение двух последних третей XIX в., составляли не больше трети общего числа дипломатических сотрудников, причем они никогда не достигали высших постов, хотя не раз доказывали свои способности и преданность²⁰.

Изучение турецкими дипломатами европейских языков давало им возможность усваивать принципы европейской дипломатии, европейскую культуру и обычаи. После Крымской войны дипломатическим языком министерства иностранных дел Османской империи стал французский²¹.

Дипломатическая деятельность Мустафы Решид-паши, одного из трех постоянных послов Османской империи в 30-е годы XIX в., в 1837 г. ставшего министром иностранных дел, позволяет проследить, как конкретно действовали первые турецкие дипломаты в европейских странах.

Мустафа Решид был назначен во вновь созданное в Париже посольство чрезвычайным посланником (послом среднего ранга — *orta elçilik*)²² и через несколько лет не только у себя на родине, но и в Европе был признан искуснейшим турецким дипломатом²³.

Он должен был решить две важнейшие задачи: добиться ослабления поддержки Мехмеда Али правительством Франции и ее общественным мнением и возврата Османской империи оккупированного Францией в 1830 г. Алжира²⁴.

Получив из Александрии известие о том, что Мехмед Али снова готовится к войне, Мустафа Решид понял, что в случае ее развязывания «алжирская проблема будет ничтожна по

¹⁹ J. C. H u g e w i t z, *The Europeanization...*, стр. 460.

²⁰ Там же, стр. 457.

²¹ Там же, стр. 458; C. B i l s e l, *Tanzimatın harici siyaseti*, стр. 35; в 1820 г. ноты иностранных послов могли вручаться реис-эфенди либо на турецком, либо на французском, либо на итальянском языках (M. D' O h s s o n, *Tableau général...*, t. III, стр. 460).

²² R. K a y n a r, *Mustafa Reşit paşa...*, стр. 63.

²³ Д. Г. Р о з е н, *История Турции...*, ч. I, стр. 271; С. П а л а у з о в, Мустафа Решид паша, — «С.-Петербургские ведомости», 1858, № 14; то же, отд. оттиск, СПб., 1858.

²⁴ R. K a y n a r, *Mustafa Reşit paşa...*, стр. 63.

сравнению с египетской»²⁵. Этой оценкой и руководствовался он в своей деятельности в Париже.

Аудиенция у французского короля Луи Филиппа весьма польстила турецкому послу. В своих донесениях он подробно описал этикет, соблюденный при его встрече, и любезные слова короля, выразившего убеждение, что Мустафа Решид быстро выучит французский язык, а также сказавшего ему, что Франция очень довольна учреждением турецкого посольства в Париже²⁶.

Лучше многих других государственных деятелей Османской империи понимая значение постоянных посольств в европейских столицах и возможности, предоставляемые ими, Мустафа Решид писал в донесениях из Парижа, что посольства (кроме Парижа, Лондона и Вены) нужно учредить также в Петербурге и Берлине, так как они помогут быстро узнавать на месте обо всех изменениях в политике европейских держав и своевременно принимать надлежащие меры. Даже такие небольшие государства, как Бавария и Вюртемберг, имеют своих послов, указывал Мустафа Решид и напоминал, что из-за отсутствия до сего времени (т. е. до 1834 г.) турецких посольств в европейских столицах Мехмеду Али удалось привлечь общественное мнение европейских государств на свою сторону во вред Османской империи²⁷.

Он объяснял, что деятельность посольств требует денежных расходов, так как дипломаты должны иметь возможность общаться с нужными людьми, в том числе сотрудниками газет, и принимать их у себя, чтобы быть в курсе событий. В одном из донесений он подробно пишет, какую пользу принесет оставленный в Париже переводчик Рухиддин-эфенди, если он, Мустафа Решид, вернется в Стамбул.

Сотрудникам дипломатических миссий Мустафа Решид рекомендовал назначить высокие оклады и регулярно высылать деньги: раз в два, два с половиной месяца. Для переводчика с семьей и слугами он просил установить месячный оклад в 3 тыс. фр., а для посла — 11 тыс. фр.²⁸.

Государственные деятели Европы в беседах с турецкими послами старались произвести на них благоприятное впечатление, представить в выгодном свете намерения своей стра-

²⁵ Там же, стр. 65.

²⁶ Там же, стр. 64.

²⁷ Там же, стр. 67.

²⁸ Франк в 1837 г. равнялся приблизительно 4 курушам (там же, стр. 125). Следовательно, жалование должно было составлять соответственно 12 тыс. и 44 тыс. курушей. Министр иностранных дел в 1838 г. получал 40 тыс. курушей (там же, стр. 145).

ны и в невыгодном — других стран. С этой целью они посвящали своих турецких коллег в дипломатические секреты, касающиеся их соперников. Собеседники предупреждали их о некоторых грозящих Османской империи осложнениях и опасностях, иногда сознательно их преувеличивали ради собственных интересов, не скупилась на советы, как следует вести себя и что отвечать в случае, если последуют такие-то и такие-то упреки по адресу османского правительства со стороны других держав²⁹.

Хюнкяр-Искелесийский договор, увеличивший влияние России в Османской империи и заставивший европейские державы опасаться захвата Россией Стамбула и проливов, привел к тому, что они сами готовы были предложить султанскому правительству военную и материальную помощь. Так сделал, например, лорд Пальмерстон. В беседах с Мустафой Решидом, когда тот был послом в Лондоне, Пальмерстон старался не только заронить сомнение в искренности намерений России сохранить целостность османского государства, но и убедить Мустафу Решида в ее агрессивности. Он обещал немедленную помощь британского флота в случае какой-либо угрозы со стороны России, «хотя между Османской империей и Англией не существует союзнического договора»³⁰. Австрия также ревниво следила за действиями России в Османской империи³¹. Турецкие дипломаты отдавали себе отчет в выгоды такого положения, когда Османская империя становилась объектом соперничества.

Последствием, после Крымской войны, когда влияние России в Османской империи было уничтожено, «многие государственные люди Турции и, может быть, большинство их... сильно желали возвращения противовеса русской дипломатии»³².

Пользоваться соперничеством держав турецкие дипломаты стали с самого начала своей деятельности за границей. Нижеследующие примеры подтверждают это.

В одном из донесений в период первого пребывания на посту посла (июнь 1834 — апрель/май 1835) Мустафа Решид писал, что в беседах с французскими государственными деятелями он отстаивал линию своего правительства в недавнем египетском конфликте и, говоря о принятии русской помощи против Мехмеда Али, не преминул упрекнуть Францию и Англию в бездейственности в критический момент, когда

²⁹ Там же, стр. 84—91.

³⁰ Там же, стр. 84, 85.

³¹ Там же, стр. 86.

³² Д. Г. Розен, История Турции..., ч. II, стр. 258.

Османская империя была занята урегулированием египетского конфликта. В то же время Мустафа Решид выразил удовлетворение готовностью русского императора Николая I оказать немедленное содействие³³.

Лорд Пальмерстон сказал Мустафе Решиду во время его визита к королеве Виктории в 1836 г., что Англия считает Мехмеда Али только губернатором Египта и никогда не согласится способствовать его «порочным надеждам» (т. е. желанию объявить Египет независимым). Он также сказал, что Англия хотела бы, чтобы Сирия была изъята из сферы управления Мехмеда Али и возвращена под власть султана³⁴. Это означало, что английский кабинет решил отныне более энергично поддерживать султана и не настаивать на соблюдении status quo, установленного Кютахийским соглашением. Таким образом Англия надеялась вырвать султана из-под влияния России.

Опасаясь последствий нового вмешательства России, европейские государственные деятели настойчиво рекомендовали Османской империи не принимать впредь русской военной помощи³⁵. Мустафа Решид отвечал на это, что помощь от России не будет принята, если ее окажут Франция и Англия, но подчеркивал, что с Россией будут сохранены дружественные отношения³⁶.

Об использовании Мустафой Решидом соперничества держав говорит и другое его донесение, в котором он писал, что хотя и не вел переговоров о торговом сотрудничестве, но слышал разговоры о том, что дружественным государством подобает покровительствовать сухопутным торговцам, как это делалось в былые времена. «Они дают понять, — разъяснял Мустафа Решид, — что будто бы не могут согласиться с теперешними [дружественными] отношениями Османской империи с Россией и вынуждены поддерживать этого презренного (Мехмеда Али. — Н. Д.). Я же ответил, что... в ответ на помощь и дружбу России Османская империя была с нею любезна, а если Россия будет и впредь дружески расположена, то узнает полную цену этой любезности. И поскольку это справедливо, то нужно ли подвергаться критике по этому поводу? — дал [я] надлежащий и тонкий ответ»³⁷.

Деятельность Мустафы Решида в Париже заслужила одобрение султана. Вернувшись в апреле 1835 г. в отпуск в Стамбул, Мустафа Решид получил звание посла высшего

³³ R. K a y n a r, Mustafa Reşit paşa..., стр. 70.

³⁴ Там же, стр. 83.

³⁵ Там же, стр. 70.

³⁶ Там же, стр. 71.

³⁷ Там же, стр. 70.

ранга, т. е. чрезвычайного посла, и был повышен в чине до чиновника первого класса второй ступени³⁸.

С сентября 1835 до осени 1836 г. он оставался в Париже, после чего был назначен послом в Лондон. В июне 1837 г. Мустафа Решид вернулся в Стамбул в связи с назначением на пост министра иностранных дел. Вскоре после возвращения Мустафа Решид представил султану Махмуду ляхиху³⁹, в которой подробно описал содержание своих бесед с государственными деятелями некоторых европейских государств, а также международные проблемы тех лет, имеющие непосредственное отношение к Османской империи. Ляхиха отражает итоги его дипломатической деятельности и может рассматриваться как свидетельство достижений османской дипломатии в 30-е годы XIX в. Путем сопоставлений и сравнений высказываний собеседников турецким дипломатам нетрудно было воссоздать общую картину международных отношений того времени и, пользуясь соперничеством держав, выбрать для себя наиболее приемлемую линию поведения. Такой вывод напрашивается после знакомства с содержанием упомянутой ляхихи. В ней имеется пересказ официальных и конфиденциальных бесед Мустафы Решида с министром иностранных дел Англии лордом Пальмерстоном, канцлером Австрии князем Меттернихом и с крупным австрийским дипломатом князем Эстергази.

Содержание ляхихи подтверждает, что Мустафа Решид не верил в искренность России. Поэтому в своем донесении он уделил много внимания этому вопросу, описав его всесторонне и отметив отношение к России всех европейских стран.

Среди султанского правительства были сторонники русской ориентации. Мустафа Решид к ним не принадлежал. Вместе с тем он рекомендовал идти на уступки России и не портить с ней отношений. Например, зная, что Англия опасается возможного единоличного вмешательства России в решение египетской проблемы и связывает с этим вопрос о приглашении военных специалистов, Мустафа Решид предлагал пригласить инструкторов из Англии, но в то же время принять меры, чтобы не вызвать недовольства России⁴⁰.

³⁸ Там же, стр. 77, 80. О введенной Махмудом II табели о рангах см.: В. А. Теплов, *Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе* (Записки очевидца), СПб., 1897, стр. 144—152, табл. на стр. 146. По данным Теплова, чиновник первого класса второй ступени в Османской империи соответствовал действительному статскому советнику в России.

³⁹ R. Kaupar, *Mustafa Reşit paşa...*, стр. 84—91. Ляхиха — письменное изложение наблюдений и идей по какому-либо вопросу. Данная ляхиха не имеет точной датировки. Как следует из содержания (стр. 92), она написана до восстания в Сирии, которое началось осенью 1837 г.

⁴⁰ R. Kaupar, *Mustafa Reşit paşa...*, стр. 91.

Как свидетельствует содержание ялихи, Мустафа Решид старался склонить султана к проанглийской ориентации. Этой ориентации он придерживался всю жизнь. Англия хотя и не прочь была присоединить к своим владениям Египет⁴¹, но главная ее цель в эти годы состояла в том, чтобы помешать Франции осуществить то же намерение. На другие территории Османской империи Англия не претендовала, и ее правительство большей частью вело антирусскую и антифранцузскую политику в восточных делах. Англия хотела сохранить целостность Османской империи, с тем чтобы целиком подчинить ее своему влиянию. Стремление сохранить целостность государства соответствовало, естественно, расчетам султанского правительства. В связи с этим в ялихе Мустафа Решид выразил уверенность, что Англия поможет Османской империи в урегулировании турецко-египетского конфликта, так как британское правительство опасается тесных контактов Мехмеда Али с Россией, что позволило бы последней завоевать Иран и далее Индию. Именно поэтому он предупреждал султана, что если когда-либо лорд Пальмерстон будет намекать Порте на необходимость погасить издержки по отправке английского флота к берегам Египта, то это будет несправедливо, так как Англия в подобной ситуации будет защищать собственные интересы не менее, чем интересы Османской империи⁴².

Турецкий историк Дж. Байсун, опубликовавший биографию Мустафы Решид-паши, заметил, что в эти годы Мустафа Решид несколько переоценивал вес Англии в международной политике, веря, что с ее помощью сможет разрешить даже турецко-французские разногласия⁴³. Но если вспомнить, что «для успокоения Великобритании Луи Филипп в первые годы своего царствования считал необходимым приостановить завоевание Алжира, едва начатое Карлом X», и что «только в 1834 г. французское правительство, начавшее освобождаться от британского влияния, открыто заявило о своем желании подчинить весь Алжир своей власти»⁴⁴, то, возможно, расчеты Мустафы Решида получить и в алжирском вопросе помощь Англии не покажутся бесосновательными. «Английский министр иностранных дел тревожным взором следил за успехами французского оружия в Африке и всячески старался положить им конец... Абд-эль-Кадер еще

⁴¹ История дипломатии, т. I, М., 1941, стр. 424.

⁴² R. Kaunat, Mustafa Reşit paşa..., стр. 90.

⁴³ C. Baysun, Mustafa Reşit paşa, — «Tanzimat», İstanbul, 1940, стр. 7.

⁴⁴ А. Дебидур, Дипломатическая история Европы, т. I, М., 1947, стр. 366.

и раньше (до 1834 г.) и долгое время впоследствии получал от Англии не только моральную поддержку, но и материальные средства для продолжения борьбы»⁴⁵.

В бытность свою послом во Франции Мустафа Решид старался привлечь симпатии французского общественного мнения к Османской империи. Для этого он стремился оповещать французское общество о реформах султана Махмуда, «тем более что и греки со времени восстания, и Мехмед Али стремились склонить на свою сторону прессу как в Париже, так и в Лондоне, клеветая на Османскую империю»⁴⁶. Мустафа Решид публиковал статьи о Турции в газете «Курье франсэ», перепечатывал во французской прессе статьи из «Такими векайи»⁴⁷.

Много внимания в ляхе Мустафа Решид уделяет слухам о наметившемся сближении Франции и России. Они, естественно, пугали его; так как представлялись крайне опасными для Османской империи. Поэтому он всесторонне анализировал факты, подтверждавшие эти слухи или противоречившие им, а также последствия такого союза. Возможно, что большое значение, которое Мустафа Решид придавал слухам, в немалой степени объяснялось намерением усилить недоверие султана к России⁴⁸.

Хорошую осведомленность новых турецких дипломатов в тайных мотивах европейской дипломатии раскрывает описание отношения Австрии к России, сделанное Мустафой Решидом в ляхе. Хотя позиция Меттерниха, судя по его высказываниям по адресу России, выглядела дружественной, Мустафа Решид дал ей прямо противоположную характеристику, подчеркивая ее враждебность и неискренность. Он указал в то же время причину зависимости Австрии от России — боязнь распространения в Европе свободолобивых идей, оплотом против которых Австрия справедливо считала Николая I.

⁴⁵ Там же, стр. 366, 392, 413.

⁴⁶ R. K a u n a r, Mustafa Reşit paşa..., стр. 65.

⁴⁷ Там же, стр. 66.

⁴⁸ Слухи эти были верными лишь наполовину. Луи Филипп, стремясь упрочить свое положение на французском престоле, с середины 30-х годов XIX в. пытался сблизиться с континентальными державами, в том числе с Россией. «Меттерних хорошо понимал, какую выгоду представляло для его правительства разлучить Францию с Англией и вовлечь ее на путь контрреволюции». Но «Россия плохо принимала его заигрывания» (А. Дебидур, Дипломатическая история Европы, стр. 360—361). Николай I, вынужденный официально признать новую власть во Франции, «всем своим поведением, всеми своими действиями подчеркивал, что признание это временное и что никогда Луи Филипп в его глазах не станет законным монархом» (О. В. Орлик, Россия и французская революция 1830 года, М., 1968, стр. 180—181).

В описываемое время опасения Австрии относительно русской политики в Турции были успокоены заверением царя в 1833 г. о том, что, если в Османской империи сложится такая обстановка, которая потребует вмешательства России, царь обещает ничего не предпринимать без морального посредничества Австрии. Царь заверил также Меттерниха, что у него нет никаких намерений расширить свои владения за счет Турции⁴⁹. Вот как писал Мустафа Решид: «Основное направление политики князя Меттерниха не служит всерьез к истинной пользе России. Показать себя истинным другом России, выявить ее сокровенные желания и незаметно приспособить свои действия к действиям государств — противников России, препятствовать осуществлению надежд России через посредство этих государств — [вот позиция князя]. Одним словом, нынешнее положение Австрии не подходит для ведения войны, в случае общей войны Австрия не будет союзницей России, хотя, возможно, станет ее сторонницей. Рост богатства и силы России будет пагубным для Австрии и не будет соответствовать умунастроению ее собственного населения»⁵⁰. Это предсказание подтвердилось во время Крымской войны⁵¹.

Мустафа Решид подчеркнул в ляхе важное значение внутренних реформ, осуществлявшихся в Османской империи, для поднятия престижа государства и для благоприятного разрешения турецко-египетского конфликта. Стараясь ускорить осуществление реформ на родине, учитывая страстное желание султана Махмуда подчинить своей власти Мехмеда Али, Мустафа Решид неоднократно ссылаясь в ляхе на европейское общественное мнение — немаловажный политический фактор, с которым приходилось считаться правительствам европейских стран и Османской империи⁵².

Действия турецкого правительства до оккупации французами Алжира и после нее являются примером, демонстрирующим уровень компетентности Порты в правилах европейских дипломатических отношений: незнание их до 30-х годов XIX в. и успехи в усвоении и применении их турецкой дипломатией впоследствии.

Потеря турками Алжира в 1830 г. в определенной степени была следствием допущенного дипломатического просчета османского правительства, представившего Франции удоб-

⁴⁹ Успокоенность Австрии имела в 30-е годы основания. См.: А. Д. Новичев, История Турции, т. 2. Новое время, ч. 1, стр. 213—214.

⁵⁰ R. Kaupar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 87.

⁵¹ См.: Е. В. Тарле, Крымская война, изд. 2, т. 1, М.—Л., 1950, стр. 9, 251.

⁵² R. Kaupar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 91—92.

ный повод для оккупации. По традиции, начиная со времен Хайреддина Барбароссы алжирские деи занимались корсарством. Средиземноморские государства, чтобы обезопасить свою морскую торговлю, вынуждены были вступать с алжирским деем в соглашения, которые приносили Алжиру временами больше прибыли, чем разбой⁵³. Но, обогнав в военном и экономическом отношении Восток, европейские государства решили положить конец пиратству. В 1816 г. английская эскадра обстреляла г. Алжир и потопила флот дея.

Ослаблением Алжира воспользовалась Франция. Поводом к завоеванию Алжира послужило бестактное поведение алжирского дея Измирли Хусейн-паши по отношению к французскому консулу, которого он ударил веером по лицу, требуя возврата взятого французским правительством долга. До этого события алжирский дей захватил несколько французских судов, мотивируя свой поступок также неуплатой долга французами.

Французы послали к Алжиру 100 военных кораблей и 500 транспортных судов. 12 июня 1830 г. на землю Алжира высадилось 16 тыс. французских солдат. После короткой схватки дей был захвачен в плен.

Османская империя в то время только что вышла из войны с Россией. На захват Алжира она ответила лишь нотой протеста⁵⁴.

Г. Розен отмечал, что Османская империя с незапамятных времен имела «исключительно номинальную и теоретическую верховную власть над Варварийскими государствами (Алжир, Тунис, Триполи, или Ливия. — Н. Д.)... Франция неоднократно делала попытки мирно отстранить свои распри с алжирским деем и даже прибегла к посредничеству дивана. Все это осталось без успеха, и министры Порты даже выразились, что Алжир слишком маловажен для Турции, чтобы они могли что-нибудь сделать в пользу этой земли и принять в судьбе ее живое участие»⁵⁵. Но когда Франция завоевала Алжир, «тут только поняли государственные люди Турции,

⁵³ См.: Я. Маховский, История морского пиратства, М., 1972, стр. 67—93 (глава «Варварийские пираты»).

⁵⁴ R. Kaupar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 122—124. Более подробно о взаимоотношениях Алжира и Франции см. в статье: E. Kuşan, Fransanın Cezayire tecavüzü, — İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi, 1958, стр. 53—62, и в книге того же автора: Cezayirin Fransızlar tarafından işgali karşısında osmanlı siyaseti (1827—1874), İstanbul, 1957, стр. 3—14.

⁵⁵ Д. Г. Розен, История Турции..., ч. I, стр. 140. Малую экономическую заинтересованность Османской империи в обладании Алжиром подтверждает также инструкция, данная турецкому поверенному в делах во Франции в 1834 г. Рухиддин-эфенди, в которой Алжир назван «бесполезным местом» (faidesiz mahalle) (R. Kaupar, Mustafa Reşit paşa..., стр. 78).

что сделали важную ошибку, отказавшись без всякого вознаграждения от политического права, и потом нотами и посольствами к тюльерийскому кабинету тщетно старались ее поправить»⁵⁶. Спустя пять лет после завоевания Алжира французами, в 1835 г., когда два наследника престола в Триполи (Ливия) спорили, кому из них занять престол, Порта вела себя уже совершенно иначе: «она постаралась не допустить в Триполи ни французского, ни английского влияния. Султанское правительство не только охотно приняло предложение о посредничестве в споре наследников, но и поспешило ввести на территорию Триполи свои войска (высадило эскадру), следствием чего было обращение регентства в пашалык»⁵⁷.

Переговоры с французскими государственными деятелями об Алжире Мустафа Решид начал через три месяца после приезда в Париж, 21 декабря 1834 г.⁵⁸. Предварительно он беседовал, выясняя позиции России и Австрии по проблеме Алжира, с послами этих держав. Выслушав их совет — отложить переговоры до разрешения египетского кризиса, Мустафа Решид все же приступил к ним, поставив об этом в известность русского посла. Молчание, по мнению Мустафы Решида, могло повредить делу, так как в то время французские газеты были заполнены известиями о французских преобразованиях в Алжире. Молчание турецкого посла могло быть расценено как согласие с фактом оккупации и как одобрение султанским правительством действий французской администрации. Содержание переговоров сохранялось в тайне⁵⁹.

Одним из побудительных мотивов к началу переговоров послужило, по-видимому, аризе (письмо, прошение) Хамдан-эфенди, бывшего секретаря свергнутого французами алжирского дея, врученное им султану Махмуду II 18 июля 1833 г. В аризе Хамдан-эфенди сообщал о страданиях алжирского населения, испытываемых со времени оккупации Алжира французами, и просил помощи султана. Для освобождения страны он предлагал некоторые меры, среди них — назначение в Алжир турецкого паши, который бы создал там диван из именитых граждан. Затем он предлагал объединить усилия пашей Алжира, Туниса и Триполи, что позволило бы выставить против французов армию в 40—50 тыс. человек. (Как известно, в это время в Алжире уже разгорелось по-

⁵⁶ Там же; см. также: Е. K u r a n, Cezayirin işgali, стр. 35—57.

⁵⁷ Там же, стр. 243—245.

⁵⁸ R. K a y n a r, Mustafa Reşit paşa..., стр. 72; Е. K u r a n, Cezayirin işgali, стр. 35, 40.

⁵⁹ Там же, стр. 65—66, 72.

встанческое движение под руководством Абд аль-Кадира). Хамдан-эфенди составил свою записку с ведома бея Константины Хаджи Ахмеда, которого рекомендовал на пост турецкого паши в Алжире. Ахмед-бей в период, когда писалась записка, уже собрал вокруг себя военные силы и беспокоил своими действиями французскую оккупационную армию. Аризе произвело впечатление на Махмуда II. Султан считал нужным предпринять дипломатические шаги для освобождения Алжира. Мустафе Решиду были даны соответствующие инструкции⁶⁰.

Несмотря на то что султанское правительство обладало достаточными военными силами, чтобы начать войну за Алжир, оно не воспользовалось этой возможностью. Это еще одно подтверждение того факта, что основной целью османской дипломатии в 30-е годы был не Алжир, а Египет. Если бы Османская империя вступила в войну с Францией за Алжир, то она ослабила бы свои силы, которые Махмуд деятельно готовил против Мехмеда Али. Воевать же и против Франции, и против Мехмеда Али Османская империя была, естественно, не в состоянии и поэтому стремилась не обострять отношений с Францией из-за Алжира.

В конце 1834 г. Мустафа Решид был принят министром иностранных дел Франции адмиралом де Риньи. Свою речь к министру Мустафа Решид начал с уверения в том, что главной целью его деятельности является укрепление искренних дружеских отношений с Францией. Затем он упомянул о том, что обе стороны всегда воздерживались от недружелюбных действий. Но так как в свое время из-за некоторых неблагоприятных поступков алжирского дея и по воле судьбы и случая Алжир был оккупирован Францией, то он, Мустафа Решид, официально заявляет, что уполномочен дружескими и чистосердечными переговорами достичь решения алжирской проблемы в случае, если французским посольством в Стамбуле не будет вручена официальная нота о немедленном возвращении Алжира его истинному владельцу — султану — и если какие-либо препятствия помешают урегулированию проблемы до переговоров. Ноту соответствующего содержания Мустафа Решид собирался вручить своему собеседнику, но последний после некоторого раздумья ответил, что ноту принять не может, так как французы не покинут алжирскую землю, и что потому он не имел права выслушивать Мустафу Решида. Тогда Мустафа Решид обратился к правовой стороне дипломатических отношений. Он сказал,

⁶⁰ C. B a y s u n, *Cezayir meselesi ve Reşid paşanın Paris elçiliği*. — III. Türk Tarih Kongresi, Ankara, 1948, стр. 375—379; E. K u r a n, *Cezayirin işgali*, стр. 35—37.

что ни в одной стране не отказываются принимать ноты послов и выслушивать их. Кроме того, он сослался на дружественные отношения, существующие между Францией и Османской империей. Соответствует ли ответ французского министра искреннему заявлению и официальному обещанию, данным Францией по этому вопросу в свое время, спросил Мустафа Решид.

Министр вынужден был объяснить позицию Франции. Он сказал, что, по мнению его страны, Алжир не принадлежал Османской империи, а был независимым государством, находившимся в руках мятежников. Франция послала туда свой флот и войска, вошла в большие издержки. «Если вы вручите ноту, содержащую ваше требование, то сможете ли согласиться с тем, что Франция вошла в издержки?» — спросил министр. Мустафа Решид ответил, что вопрос об издержках не нуждается в обсуждении, так как факт принятия ноты французским правительством не означал бы согласия с ее содержанием. «Если в ноте есть пункты, выходящие за пределы моих полномочий, то я отложу переговоры о них до получения разъяснений от правительства Османской империи. Поэтому вам полагается принять вручаемую ноту», — сказал Мустафа Решид.

Французский министр выразил недоумение по поводу того, что султанское правительство столько лет не заговаривало об Алжире и что Мустафа Решид начал переговоры об Алжире не сразу по приезде в Париж. Мустафа Решид ответил, что после оккупации Алжира посол Франции генерал Гильемино вручил турецкому правительству официальную ноту о том, что Алжир будет возвращен Османской империи. Но вскоре во Франции произошли внутренние беспорядки (революция 1830 г.), и Османская империя считала неподобающим для дружеского государства беспокоить ее в то время и предпочла некоторую отсрочку. Затем состоялся обмен нотами. «Основная цель моей теперешней деятельности в Париже — укрепление дружеских отношений между нашими странами, — сказал Мустафа Решид. — Об Алжире же Османскую империю вынуждает говорить мусульманский закон. Теперь, когда Османская империя аккредитовала в Париж своего посла, я вынужден потребовать официального ответа об Алжире».

Французскому министру ничего не оставалось, как возразить, что после оккупации Алжира во Франции произошла революция, которая упразднила статьи прежних договоров. И если генерал Гильемино и говорил о возврате Алжира, то говорил это, по-видимому, от себя лично, не зная мнения своего правительства. Мустафа Решид возразил, что ни один

посол не осмелится поступать вопреки согласию своего правительства и везде слова посла воспринимаются как официальные обязательства. Кроме того, после французской революции османское правительство вручило официальную ноту об Алжире французскому правительству и получило ответ из французского посольства с заверением в неизменности позиции Франции в этом вопросе. Все эти ноты существуют, и Мустафа Решид может их предъявить.

Министр завершил беседу словами: Франция не может вернуть Алжир, но содержание переговоров он сообщит своему правительству, а затем назначит день для обсуждения с Мустафой Решидом результатов этой консультации. Он добавил, что, хотя тема беседы была не очень приятной, он благодарит Мустафу Решида за учтивость и исполнение обязанности, порученной ему его правительством⁶¹.

При прощании с Мустафой Решидом министр спросил у него, знает ли турецкий посол в Англии о содержании его миссии и переписываются ли они? Мустафа Решид ответил утвердительно. По этому поводу он замечает в своем донесении, что вопрос министра означает желание французов узнать, вмешается ли Англия. Далее он указывает, что Англия может принести большую пользу Османской империи, так как Франция побоится ее недовольства, если Англия будет поставлена в известность об обстоятельствах дела.

Мустафа Решид надеялся на благоприятный исход своей миссии и для этого пытался использовать все имеющиеся в его распоряжении средства⁶². Но, как и нужно было ожидать, его усилия не принесли желаемых результатов. Причина этого заключалась в слабости турецкого государства, с которым Франция в данном случае не находила нужным считаться. Надежда вернуть Алжир не покидала Мустафу Решида вплоть до 50-х годов. Он ожидал момента, когда интересы европейских держав столкнутся и можно будет заставить Францию вернуть захваченную территорию силами ее возможных противников⁶³. Но такой момент, как известно, не наступил.

В 30-е годы XIX в. османская дипломатия оформилась как самостоятельный институт в правительственной системе.

До 1836 г. в турецком правительстве не было лица, специально ведавшего иностранными делами. Занимался ими реисулькюттаб, один из трех помощников великого везира, глава всех канцелярий дивана, в обязанности которого входило также составление докладов султану о положении дел

⁶¹ R. K a y n a r, Mustafa Reşit paşa..., стр. 72—75.

⁶² Там же, стр. 76; E. K u r a n, Cezayir'in işgali, стр. 39, 42, 48—50, 54.

⁶³ Там же, стр. 546—555.

в государстве. После Карловицкого мира (1699) великий везир передал в его ведение и иностранные дела⁶⁴, и он стал также консультантом по международным вопросам. Поэтому многие европейцы называли реисулькютаба и до 1836 г. министром иностранных дел.

Одна из трех канцелярий, которыми ведал реисулькютаб, — канцелярия амеди, состоявшая всего из пяти человек (тогда как две другие имели в своем составе соответственно 120—150 и 30 человек), должна была подготавливать тексты докладов великого везира султану, хранить протоколы встреч великого везира с иностранными дипломатами, описи пожалований ленов и др.⁶⁵

Образование в 1836 г. министерства иностранных дел⁶⁶ было не пустым актом подражания европейцам, а имело под собой твердую почву реальных изменений в системе османской дипломатии, потребовавших ее формального выделения в государственном управлении в связи с возросшим значением в государственной деятельности.

По предложению Мустафы Решида канцелярия амеди была разделена на два отдела, один из которых стал вести только иностранными делами. Во главе его Мустафа Решид предложил поставить заведующего и назначить 4—5 способных и честных чиновников, взяв в этом отношении в пример европейское делопроизводство⁶⁷. Как сообщает историограф Османской империи Лютфи, в то время ясно увидели, что правильное течение дел зависело от воспитания и использования Высокой Портой способных, знающих чиновников⁶⁸. Большинство векилей, везиров, послов и чиновников Высокой Порты с тех пор получали специальное образование в Бюро переводчиков⁶⁹.

Рассмотренные выше формальные и принципиальные из-

⁶⁴ C. V. Findley, *The Legacy of Tradition to Reform: Origins of the Ottoman Foreign Ministry*. — «International Journal of Middle East Studies», London, 1970, vol. 1, № 4, стр. 336—337.

⁶⁵ Там же; Б. Недков, *Османотурска дипломатика и палеография*, I, София, 1966, стр. 47.

⁶⁶ А. Убичини, П. де Куртейль, *Современное состояние Османской империи*, СПб., 1877, стр. 71; «Moniteur Ottoman», 23.IV.1836.

⁶⁷ R. Kaupar, *Mustafa Reşit paşa...*, стр. 107—110.

⁶⁸ Там же, стр. 110.

⁶⁹ Там же; Бюро переводчиков — *Terceme odası* — было создано в 1821 г. после удаления греков-фанариотов в связи с греческим восстанием. (А. Убичини, П. де Куртейль, *Современное состояние Османской империи*, стр. 77). Хоревитц датой образования бюро считает 1823 год (J. C. Hurewitz, *The Europeanization...*, стр. 458). А. Вамбери, живя в Стамбуле в 1857—1862 гг., познакомился с системой обучения в правительственных канцеляриях, в том числе и в этом бюро, и описал ее в своей книге «Очерки жизни и нравов Востока», пер. с нем., СПб., 1877, стр. 216—217.

менения в турецкой дипломатии, имевшие место в 30-х годах XIX в., были, как отмечалось, вызваны глубокими внутри- и внешнеполитическими причинами.

Знакомство турок не только с европейской дипломатической системой, но и с европейскими языками, образом жизни, идеологией, государственными учреждениями способствовало процессу европеизации, или модернизации, в Османской империи. Начало этого процесса относится к XVIII в. В 30-х годах XIX в. он значительно углубился и расширился и был тесно связан с осуществлявшимися реформами, которые после провозглашения в 1839 г. Гюльханейского хатт-и шерифа обозначаются термином «Танзимат».